

IV. Москва, Дом "Дураков", до востребования...

Валерий Мершавка
Цикл статей "Лишние люди"

*Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей и дел и мнений.*

— А.С. Грибоедов. "Горе от ума"

1. "Злой" "болтун", "милый" "молчун" и "народная" "мудрость"

Слово — серебро, молчание — золото.
Пословица

Психологический анализ феномена "лишнего человека" в комедии Грибоедова "Горе от ума" имеет свои особенности. Первая из них — особенность психопатологии "лишнего человека". Она существенно отличается от рассмотренных нами ранее, а потому мы уделим ей повышенное внимание. Во-вторых, в этой комедии, как нигде прежде, "лишний человек", Чацкий, входит в конфликт с окружающими, то есть "нелишними людьми". Психология "нелишних людей" для общества представляет отдельный интерес, однако, чтобы понять суть конфликта нам придется в определенной мере коснуться тех ее сторон, которые разительно отличают "лишнего" человека от "нелишнего", не вдаваясь в детали. Далее, мы продолжим исследование темы "отцов и детей" на примере отца (Фамусова), дочери (Софии), а также ее "милого" (Молчалина) и "немилого" (Чацкого) друга. Мы постараемся по возможности осознать с психологической точки зрения, о каком горе и от какого ума идет речь в комедии. Наконец, мы проведем некоторые психологические параллели между некоторыми персонажами и развитием сюжета в комедии Грибоедова и уже исследованных нами произведений Лермонтова, которые Михаил Юрьевич писал, несомненно находясь под влиянием этой комедии. Такое сопоставление не только поможет нам расширить общее видение психологической патологии, но и углубить его благодаря осознанию различий в поведении героев, которые внешне находятся в очень похожей ситуации, а ведут себя совершенно по-разному. Единственное допущение, которое мне придется сделать, связано с тем, что так называемое "высшее общество" по известным причинам всегда состояло и состоит из людей, стремящихся к власти, а, следовательно, далеко не самых талантливых и самых умных. В силу того, что им нужно было вовремя сделать карьеру, многим из них просто не хватило и не хватает времени развивать даже те способности, которые у них есть. Это объективный феномен, который существовал и, как мы можем теперь убедиться, существует во все времена и во всех странах. Поэтому я предлагаю читателю просто принять его как непреложную данность, а не судить так же строго, как это делает Грибоедов. Если же у кого-то из читателей это не получится, я предлагаю им перечитать эпиграф к этой статье, который я привел, в том числе, и для этой практической цели. Тогда, прочитав его несколько раз и таким образом отыграв свое раздражение, человек может читать статью дальше, вникая в важные

психологические нюансы и, по возможности, не отвлекаясь на очевидные внешние раздражители.

Свой анализ я, как всегда, начну с анализа "говорящих" имен фамилий. Этот анализ не такой сложный, как например, в "Герое нашего времени", здесь фактически нет символических интерпретаций, но от этого он не становится менее важным. Учитывая, что Грибоедов был дипломатом, а значит, был просто обязан знать несколько языков, мы обратим особое внимание и на эту, "лингвистическую", игру, которая в ответ может дать нам совершенно неожиданные, а потому более приятные результаты.

Итак, начнем по порядку:

Фамусов — фамилия, производная от английского слова *famous*, известный.

Чацкий — фамилия, производная от английского слова *chat*, болтовня. Если говорит буквально, Чацкий — болтун.

София — имя, означающее Божественная мудрость или просто мудрость.

Лиза (Елизавета) — имя, означающее Божественная клятва или обет. Лиза действительно верна своей хозяйке.

Молчалин — фамилия, которая на русском языке говорит сама за себя.

Антон Антонович Загорецкий — этот образ сплетника и "нужного" в свете человека как две капли воды похож на образ **Шприха** из драмы Лермонтова "Маскарад". Чтобы не быть голословным, приведу краткое описание авторами и другого. Вот что говорит **Хлестова** (сестра покойной жены Фамусова) о Загорецком:

...Я было от него и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
 Двоих арапченков на ярмарке достал;
 Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;
 А мне подарочек, дай Бог ему здоровья.¹

А вот что говорит Казарин о Шприхе:

Пусть будет хоть сам черт!.. Да человек он нужный,
 Лишь адресуйся — одолжит.

 Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
 Все вспомнит, знает все, в заботе целый век,
 Был бит не раз, с безбожником — безбожник,
 С святошей иезуит, меж нами — злой картежник,
 А с честными людьми — пречестный человек.²

Так что существует огромное сходство, хотя это не удивительно, ибо оба характера более функциональны, чем реальны. Но тогда, может быть, есть некое сходство и в "происхождении" их фамилий? Однако мы должны считаться с историческими фактами. Комедия Грибоедова была впервые (и единственный раз издана при его жизни) в 1825 году; драму "Маскарад", которую, следуя Грибоедову, можно было бы назвать "Горем от безумия"

¹ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". Собрание сочинений в 2-х т., т. 2, с. 126, М. "Правда", 1971.

² М. Ю. Лермонтов, "Маскарад", Избр. собр. соч. в 2-х т., т. 2, с.77, М. Худ. Лит., 1963.

Лермонтов написал на 10 лет позже, в 1935 году. То есть этот образ Лермонтов мог "взять" у Грибоедова, — но не наоборот. Но может быть, Лермонтов взял из "Горе от ума" не только образ, то и говорящую фамилию, изменив ее на свой лад? Попробуем проверить свою догадку. При этом сразу нужно сказать, что однозначного истолкования полного имени этого персонажа нет. Имя Антон — производное от древнеримского имени Антоний. Кроме полководца Антония, в древнем Риме был великий оратор Антоний, которого впоследствии превзошел только Цицерон. Но в комедии имя Антон усиливается отчеством Антонович, что например, может означать "оратор" из "ораторов" (или "сплетник" из "сплетников"). Есть и еще одна немаловажная ассоциация. В русском языке **антонимы** — это противоположные по смыслу слова. Поскольку в комедии Грибоедова уже есть один **болтун** (Чацкий), причем он является главным героем и, самое главное — "лишним человеком", "Антон Антонович" может указывать на противоположный тип болтуна, **болтуна-сплетника**, и совершенно "нелишнего" человека. Теперь о фамилии. Если все-таки иметь в виду фамилию, "говорящую по-немецки", то мы могли бы расшифровать ее как **sagen-Chor** (нем.) — "говорить хором", "хору" или "вместо хора", то есть, по существу, разносить сплетню. Есть и другой вариант, предполагающий смысловую нагрузку на ключевое слова **горе**, то есть человек, находящийся **вне горя**, **"негорюющий"** или же являющийся **причиной горя** или его **"антонимом"**, то есть совершенно бесчувственный и равнодушный. Мне думается, этих значений совершенно достаточно, чтобы выбрать любую из них или, наоборот, не выбирать никакой конкретной, а иметь в виду, что в комедии присутствуют не один, а два болтуна: "лишний" и "нелишний", которые это чувствуют, но не осознают.

Супруги Горичи. — **Горечь** звучит не только в этой фамилии, но и практически в каждом высказывании мужа; что касается его супруги, Наталья Дмитриевна демонстрирует именно такую смесь языков "французского с нижегородским"³ ("мой дружок", "послушайся разочик"; "ревматизм и головные боли"⁴), что моя небольшая манипуляция над этой фамилией Горич - горечь вполне соответствует этой смеси, что подтверждает сам супруг Горич:

"Бал вещь хорошая, неволя-то горька..."⁵

Кстати говоря, и здесь тоже Лермонтов почти дословно заимствует иронию Грибоедова, перенося ее с языка на наряды:

Чацкий: "Господствует еще смешенье языков: французского с нижегородским?"⁶

Печорин: "...кавалеры в костюмах, составляющих смесь черкесского с нижегородским..."⁷

Полковник **Скалозуб Сергей Сергеевич**. — "высокочитимый". С одной стороны, имя и отчество опять повторяются, как у **Загорецкого**. С другой

³ Там же, с. 75.

⁴ Там же, сс. 118-119.

⁵ Там же, с. 142.

⁶ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 75.

* Выделено М. Ю. Лермонтовым.

⁷ М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", Избр. собр. соч. в 2-х т., т. 2. с.433, М. Худ. Лит., 1963.

стороны, в данном случае у нас, казалось бы, нет оснований говорить об "антонимах". Но не будем забывать о том, что Грибоедов играет языком и приглашает присоединиться вдумчивого читателя. Существует ли ассоциация одинаковых повторяющихся имен и отчеств **Антон Антоновича** и **Сергея Сергеевича**. Как мы знаем, имя **Сергей** означает "высокочтимый" — полная противоположность **Чацкому**, которого все жалеют, но никто не уважает. А чтобы наше предположение было более убедительным, давайте воспользуемся этой гремучей смесью языков и "перевернем" фамилию **Скалозуб**. Получится "зубоскал", то есть болтун, **Чацкий**. Иными словами "**Скалозуб**" — это "**Чацкий**" наоборот. Тогда мы опять получаем антонимы, только на сей раз — вследствие небольшой, но понятной, "зеркальной" манипуляции над фамилией полковника **Скалозуба**, который по тексту с трудом связывает слова. Эта, на первый взгляд, игра слов превращает одного персонажа комедии в другого, полностью противоположного ему по характеру. Таким образом, если **Загорецкий** — это социальный антипод **Чацкого**, то **Скалозуб** — его социальная "тень".

Графиня бабушка и графиня внучка **Хрюмины** — фамилия, которая скорее всего является производной от немецкого слова **krümmen** — гнуть, загибать, то есть фактически исказить. Обе графини играют роль Эхо, в особенности бабушка, которая к тому же привносит немецкий акцент.

Старуха **Хлестова**, свояченица **Фамусова** — фамилия, которая может быть производной как от немецкого слова **Kleister** (клей), но с учетом того, что она "спорить голосиста"⁸, возможно и ее прямое прочтение, то есть "говорящая резко, хлестко". Здесь можно подумать и о значении фамилии Хлестаков в гоголевском "Ревизоре", но это уже совершенно иная тема.

Репетиллов — фамилия производная от французского глагола **repetier** (повторять) или от английского глагола **repeat**, имеющего такое же значение. Персонаж чисто функциональный и однозначный, а потому не представляет для нас особого интереса, как и

Князь, княгиня и княжны **Тугоуховские** — фамилия говорит сама за себя и по своей функции перекликается с функцией **Хрюминых**. Сами же персонажи, на мой взгляд, не представляют для нас особого интереса.

Теперь давайте вслед за Грибоедовым, стараясь изо всех сил понять его игру смыслами на смеси языков "французского с нижегородским, постараемся по возможности прояснить смысл названия комедии "Горе от ума". При таком смешении языков это название может иметь и символическое прочтение, например, "Горе от Софии", так как слух о сумасшествии Чацкого запустила именно София при том, что у нее были на то серьезные, причины, которые в наше время могли бы считаться объективными. Вспомним, как в своем последнем монологе Чацкий отчаянно бросает московскому свету:

...Безумным вы меня прославили всем хором.⁹

Так кто же безумен: Чацкий или "весь хор"? — На это смеси "московского" с "санкт-петербургским" нет однозначного ответа. Не дает его и последующий монолог Чацкого:

⁸ Там же, с. 138.

⁹ Там же, с. 162.

Вы правы, из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним
И в нем рассудок уцелеет.¹⁰

И здесь присутствует двойной смысл: с одной стороны, Чацкий косвенно "признается", что повредился рассудком, с другой стороны, он обвиняет в этом московское общество.

Теперь давайте проследим, откуда этот слух взялся:

София:
Ах! Этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть, завистлив, горд и зол!

То есть, нам уже хорошо понятно, что речь опять идет о нарциссической личности, на сей раз — Чацкого. Как мы увидим дальше, немного узнав о его детстве, в этом в общем-то нет ничего удивительного. Но последим за тем, как развивается диалог дальше:

Г.Н. (подходит): Вы в размышленьи.

София: Об Чацком.

Г.Н.: Как его нашли по возвращеньи?

София: Он не в своем уме.

Г.Н.: Ужели с ума сошел?

София (помолчавши): Не то, чтобы совсем...

София отвечает, не просто помолчавши, а прямо-таки помолчалински. То есть, уклончиво и больше прибегая к намекам. Ох, уж эта московско-нижегородская "мудреная премудрость", обманывающая сама себя... И сколько раз нам еще придется с ней встретиться... Что же касается этого "милого друга девства", о нем, в отличие от "друга детства" Чацкого здесь мы скажем совсем немного, ибо Молчалина никак нельзя назвать "лишним человеком".

Г.Н.: Однако есть приметы?

София (смотрит на него пристально): Мне кажется.

Г.Н.: Как можно в эти леты!

София: Как быть! (В сторону):

Готов он верить!

А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить? (Уходит.)¹¹

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, сс. 129-130.

То есть в навязчивая нарциссическая личность Чацкого, одержимая своей любовью к московской Софии, получает достойный (как Софии, так и ее самой) отпор. София Фамусова — не испытательный полигон для любовных излияний одержимо-навязчивой нарциссической личности. А в том, что у Чацкого именно такая разновидность психопатологии, сомневаться практически не приходится, хотя, как мы увидим дальше, его психопатология может оказаться гораздо сложнее:

Наиболее явной характеристикой внимания одержимо-навязчивой личности является его напряженный, резкий фокус. Внимание таких людей не рассеяно. Они концентрируются на деталях... Таких людей очень много среди людей с техническим образованием; технические детали — их стихия, они им интересны. И, конечно, такое же заостренное внимание является составляющей многочисленных симптомов навязчивой одержимости. Люди с таким симптомом видят мельчайшую пылинку и беспокоятся из-за малейшей неточности, на которую никто, кроме них, не обратит внимания, но при этом не замечают ничего остального. Но несмотря на свою сфокусированность, внимание одержимо-навязчивой личности в основном заметно ограничено в диапазоне и мобильности. Такие люди не просто на чем-то концентрируются; создается впечатление, что они постоянно сконцентрированы.¹²

К тому же мы видим плоды образования московских барышень, изучающих языки и алгебру, кстати, несмотря на пассивный консерватизм "отцов". Теперь, правда, им не помогают не языки не алгебра: барышни постепенно переключаются на женский бокс и восточные единоборства. Так что Москва, несмотря на весь свой консерватизм в отношении образования, медленно, но верно следует за "европейским" Санкт-Петербургом (см. эпиграф):

Так родился слух, который София сразу же запустила в московский "свет". И параллельно с развитием сюжета комедии мы постепенно стараемся вникнуть, кому какое "горе" и от чьего "ума". Есть ли ум у Софии? — Несомненно, есть. Есть ли "ум" у одержимого влюбленностью Чацкого? — Допустим. Этот вопрос пока оставим открытым. Кому горе: Чацкому, который "больше не ездок" в Москву (да той и не очень-то хотелось его видеть) или Софии, которая, как только полностью убедилась в лживом угодничестве "милого друга" Молчалина, сразу же была сослана обманутым отцом "к тетке в глушь, в Саратов"? — Тоже вопрос открытый вопрос. Есть ли ум у Фамусова? — определенно, есть. При всем своем консерватизме он очень неплохо разбирается в мотивах поведения современной ему "молодежи". Страдает он от своего ума и своего бессилия? — Еще как! Он обманывается в "преданном" предателе Молчалине и в искренности единственной и любимой дочери, которую вынужден отлучить от себя и от света:

Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом!¹³

¹² David Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 23-53, NY, Basic Books, 1999.

¹³ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 79.

Так что нам еще не раз придется столкнуться с этой московско-петербургской амбивалентностью в отношении к "горю" и "уму" в попытках извлечь из нее какие-то более-менее точные и обоснованные выводы.

2. Если друг оказался вдруг... * — не человек, змея!¹⁴

Поймите же мужчину!...
— М.Ю. Лермонтов. "Маскарад"

Я, как могу, стараюсь выдержать эту статью в том же "московско-петербургско-нежегородском" стиле, который так нравился Грибоедову. Отсюда и "смешенье языков" в названии этой главы. Но дальше, конечно же, мы станем всерьез рассматривать очень важный для нас вопрос, связанный с определением характерологии личности Чацкого. Для этого существуют инструменты, которые мы достаточно успешно применяли для таких же целей в предыдущих статьях. Напомню, что речь идет о характерологическом и клиническом анализе. Тогда нам придется максимально сосредоточиться на процессе этого исследования, чтобы не упустить ничего важного и понять, чем личность Чацкого похожа на уже известные нам личности персонажей произведений русской классики, а чем она кардинально от них отличается.

Глядя на поведение Чацкого, не возникает никаких сомнений, что это тоже нарциссическая личность. Но в отличие от нарциссической психопатологии, уже известной нам в результате психологического анализа других литературных персонажей, на мой взгляд, в данном случае есть две отличительные особенности, которые заслуживают самого пристального внимания. Это сильная фиксация на травме потери в сочетании с довольно сложной характерологией, представляющей собой сложную смесь навязчивой одержимости и гипоманиакальности.

Разумеется, моя задача будет заключаться в том, чтобы сделать все возможное, чтобы обосновать свои предположения. А значит, нам предстоит скрупулезный и тщательный анализ текста путем интерпретаций особенностей поведения Александра Андреевича Чацкого, взятых из трудов психоаналитика [Отто Кернберга](#) и Дэвида Шапиро.

Итак, как обычно, начнем наш анализ с того, что нам известно о родителях Чацкого. Фамусов сообщает нам о том, что Чацкий уже потерял и отца (который, кстати, был его другом), и мать:

...Вот-с Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок...

А вот, что мы узнаем о покойной матери Чацкого:

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.¹⁵

С известной долей уверенности под "сумасшествиями" покойной матери Чацкого можно подразумевать существование маниакально-депрессивного психоза, точнее его восьми маниакальных стадий. Вряд ли

* В. Высоцкий "Песня о друге".

¹⁴ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 76.

¹⁵ Там же, с. 136.

Павел Афанасьевич это выдумал или нафантазировал. Для его ригидной и консервативной личности это совершенно не характерно. Так что Чацкий отягощен патологическим анамнезом, по крайней мере, по материнской линии. Несомненно, страдающая маниакально-депрессивным психозом мать не могла выразить психически здорового ребенка, и отчасти патологическая симптоматика просматривается уже с первых, вполне благожелательных и добрых слов, которые говорит о нем Фамусов:

Не служит, то есть в том он пользы не находит,
Но захоти: так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой;
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с таким умом...¹⁶

С каким умом, нам еще предстоит разобраться. Зато со слов Молчалина нам становится известно, что Чацкий все же пробовал продвинуться по службе, причем, в Петербурге и на очень высоком уровне, но у него ничего не получилось, и там, судя по всему, не обошлось без конфликта:

Молчалин:
Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
**С министрами про вашу связь,
Потом разрыв...**

Чацкий:
Помилуйте, мы с вами не ребята;
Зачем же мнения чужие только святы?¹⁷

А Чацкий этого и не отрицает. Он просто садится на свой любимый конек: изливать желчь "оптом и в розницу", в личной и обезличенной форме. А именно этот сарказм и эта желчь прежде всего могут служить свидетельством его фиксации на травме. Послушаем мнение Кернберга:

Главная причина превращения ярости в ненависть — сильная привязанность к фрустрирующей матери. В основе этой причины лежит фиксация на травматических отношениях с базовым, необходимым объектом, который ощущается как "абсолютно плохой" и уничтоживший или поглотивший идеальный, "абсолютно хороший" объект. Уничтожение "плохого" объекта направлено на магическое восстановление "абсолютно хорошего", но процесс мести ведет к разрушению самой способности "Я" к отношениям с объектом. Это превращение принимает форму не просто идентификации с объектом (матерью), но и *отношением* с ней, так что ненависть матери как преследователя, приводящая к боли, бессилию, чувству оцепенения, тоже превращается в идентификацию с ней как с жестоким, всемогущим, разрушающим объектом.¹⁸

Как нетрудно видеть, за исключением Софии, да и то в начале комедии, и, в какой-то мере Горича, все остальные окружающие являются для него плохими объектами. А впоследствии он причисляет к ним и Софию Фамусову, которая, по его мнению, в чем-то его обманула. Во

¹⁶ Там же, с. 93.

¹⁷ Там же, с. 112.

¹⁸ О. Кернберг, "Агрессия при расстройствах личности", с. 43, М., "Класс", 1998.

всяком случае, после очередного исчезновения идеализирующей проекции ("мечтанья с глаз долой и спала пелена") он декларирует:

Так! Отрезвился я сполна,
 Мечтанья с глаз долой и спала пелена;
 (Судя по всему, речь идет об исчезновении проекции)
 Теперь не худо было б **сряду**
На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.¹⁹

То есть, Александр Андреевич в буквальном смысле заявляет, **что не находит ни одного "хорошего объекта"**, кроме, разумеется, него самого. Таким образом он сам не оставляет нам никаких сомнений в своем глубоком патологическом нарциссизме, который, кроме того, отягощен фиксацией на травме, судя по всему, вызванной отношениями с психотической матерью в раннем детстве. Если бы это было не так, то в его объектных отношениях все же наблюдалась хоть какая-то **амбивалентность**. Но если плохой становится даже не Москва, а "весь мир", дело обстоит очень серьезно. Далее мы проследим и максимально подробно исследуем особенности психопатологии Чацкого и на примере его отношений с Софией, и отношений к Москве и москвичам, ибо эти особенности того стоят. Здесь я лишь хотел отметить, что к и желчным замечаниям, и даже к монологам Чацкого в отношении московского воспитания и образования лучше относиться, внося определенные коррективы: разве в этом плохом и неудобном для него мире может быть хорошее воспитание или образование? — Конечно, нет. Итак, можем ли мы говорить о горе Чацкого в комедии? — Безусловно. Но — не от его ума, а от ума Софии. У Чацкого горе от безумия.

Давайте еще раз в этом убедимся, выбрав самые наглядные примеры желчного злословия Александра Андреевича в отношении самых разных внешних объектов, которые составляют столь жестокий, равнодушный и обманчивый для него мир. В этом мире он мечется без оглядки, пытается убежать от себя, а точнее, от своего **плохого обобщенного объектного Другого**, то есть найти то призрачное место, где "оскорбленному есть чувству уголок". Итак, вот что рассказывает София о своих отношениях с Чацким в прошлом:

Я очень ветрено быть может поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? Чтоб укорять неверностью могли.
 Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
 Привычка вместе быть день каждый неразлучно
 Связала детскою нас дружбой; но потом
 Он съехал, **уж у нас ему казалось скучно,**
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!
 Остер, умен, красноречив,
 В друзьях особенно счастлив,
Вот о себе задумал он высоко...
Охота странствовать напала на него,
 Ах, если любит он кого,

¹⁹ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 163.

Зачем ума искать и ездить так далеко?²⁰

Однако какой интересный поворот приняли мысли Софии в двух последних строках ее монолога! Если любить — то зачем так далеко уезжать, чтобы набираться ума? Да, таковы плоды отцовского воспитания. При таком папе все найдется совсем рядом, главное — уметь за это быть благодарным. Отчасти прав Чацкий, когда говорит о функции мужа Софии Фамусовой:

... всегда вы можете его
Беречь и пеленать и спсылать за делом.
Муж мальчик, муж слуга из жениных пажей,
Высокий идеал **московских всех мужей**.²¹

Но прав Александр Андреевич только отчасти. Во-первых, потому что таков порядок в доме Фамусова, о чем, не стесняясь, говорит сам Павел Афанасьевич:

Нет! Я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служащие чужие очень редки;
Все больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку или местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..²²

Во-вторых, такой порядок не только в доме Фамусова, и даже не только в Москве; более того, как нам известно, "милые друзья" во Франции похлеще московских Молчалиных, так что, на мой взгляд, можно вполне согласиться и со старухой Хлестовой:

Москва, вишь, виновата...²³

да и самой Софией:

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Чацкий: **Где нас нет.**²⁴

Честно говоря, прав Александр Андреевич: без него как-то лучше, во всяком случае, спокойнее. Его патология не дает покоя окружающим, которые продолжали бы оставаться для него такими благосклонными (о чем прямо говорит Фамусов) и такими своими, если бы не одержимость и маниакальность Чацкого, которые жалели его, даже несмотря на его патологический нарциссизм, и которые становятся враждебными ему (начиная Софии-мудрости) только когда враждебность и навязчивая одержимость самого Чацкого переходят все допустимые в обществе рамки и становятся маниакальными.

²⁰ Там же, с. 70.

²¹ Там же, с. 162.

²² Там же, с. 89.

²³ Там же, с. 139.

²⁴ Там же, с. 74.

Но роль "милого друга" семьи Фамусовых не устраивает не только "друга детства" Чацкого, которому "прислуживаться тошно", но и "друга девства" Молчалина, которого сама жизнь заставляет "зависеть от других". Но и тот не выдерживает до конца. Так что москвичам по-прежнему есть чему поучиться у французских "друзей", но где они, эти французы?... Вот и получается, что самым ближайшим для москвичей европейским городом по-прежнему остается Санкт-Петербург да еще смесь "петербургского с нижегородским". Но об этом чуть позже.

А пока продолжим наблюдать, как развивается "недовольство" Чацкого отношением к нему Софии и как это недовольство быстро обращается в злость и неприкрытую агрессивность, которые проявляются практически ко всем, без исключения:

Удивлены? И только? Вот прием!
 Как будто мы вчера вдвоем
 Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на волос любви!...²⁵

При этом мы видели, что София никак не может понять, в чем она изменила Чацкому и почему была она обязана его любить, когда тому стало в Москве "скучно" и он уехал "набираться ума", а теперь заставляет других набираться терпения:

Вы рады? В добрый час.
 Однако искренно кто ж радуется эдак?
 Мне кажется, так напоследок
Людей и лошадей любя,
Я только тешил сам себя.²⁶

На самом деле ему не "стало скучно", он просто лишился родителей и родительского дома. Поэтому его "путешествия" — не что иное как проявление синдрома покинутого ребенка, который повторяется и будет повторяться всякий раз вместе с переживанием отвержения: министрами, Софии, московского общества и так далее...

Две последние строчки понимаются с трудом: то, что он не любит людей и даже раскаивается в том, что когда-то их любил (исключительно потехи ради), вполне укладывается в характер его патологии. Но когда злость и ненависть переносится и на животных, то мне уже становится как-то не по себе. Но сразу становится спокойнее, когда осознаешь, что Чацкий не только не врач, но даже не ветеринар. Зато, как мы уже убедились, его навязчивость не знает границ:

Не влюблены ли вы? Прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.²⁷

Фактически происходит допрос Софии: не больше и не меньше. И, наверное, следует понимать, что последующее объяснение должно, по мнению Чацкого, служить веским основанием для проведения такого допроса:

²⁵ Там же, с. 72.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, с. 73.

И день, и ночь по снеговой пустыне,
 Спешу к вам, голову сломя.
 И как вас нахожу? В каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
 Лицо святейшей богомолки...—
И все-таки я вас без памяти люблю. —
 (Минутное молчание)²⁸

Полчаса терпения для маниакальной одержимости (в данном случае "любовью"), это, конечно, немало. Но с другой стороны, как ни странно, возрастание возбуждения в данном случае возбуждает повышение рефлексии:

Послушайте, ужель слова мои все колки?
 И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.²⁹

Но если Чацкий, хотя бы сначала, вызывает к себе жалость, это отнюдь не означает, что ему жалко других:

Пускай себе сломил бы шею,
 Вас чуть было не уморил.

София:
Убийственны вы холодностью своею!
 Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

.....
На что вы мне?
Да, правда, не свои беды для вас забавы,
 Отец родной убейся, все равно.

.....
 Чацкий:
 Желал бы с ним убиться...
 Лиза:
 Для компании?

Здесь София попадает несколько в неловкое положение, ибо, как известно, отец Чацкого умер. Но тот совершенно не ощущает допущенной ею неловкости. Он, как это часто делают нарциссические личности, шантажирует Софию, говоря ей о своем желании смерти (разумеется, если ее не добьется). Но Софию Фамусову таким шантажом не испугать. Об этом она очень спокойно, с не малой долей издевки сообщает своему "старому другу".

София:
 Нет, оставайтесь при своем желаньи.³⁰

Тогда навязчивость Александра Андреевича снова "пристывает" к "лобовой атаке":

Дождусь ее и **вынужу признание:**
 Кто наконец ей мил?...

²⁸ Там же, с. 77.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, сс. 97-98.

(Входит София)
Вы здесь? Я очень рад,
Я этого желал.

София (про себя):
И очень невпопад.

Чацкий: Конечно не меня искали?

София: **Я не искала вас.**

Чацкий:
Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, нужды нет,
Кого вы любите?

София: Ах! Боже мой! Весь свет!

Чацкий: Кто более вам мил?

София: Есть многие, родные.

Чацкий: Все более меня?

София: **Иные.**

Чацкий:
**И я чего хочу, коль дело решено?
Мне в петлю лезть, а ей смешно.**³¹

А действительно, чего хочет Александр Андреевич, коль "дело решено"? Попробуем найти ответ у клинических психологов. Прежде всего заметим, что Чацкий **как бы** не обращает внимания или не придает значения тому, что говорит ему София, если в ее словах прямо или косвенно присутствует его отвержение. Разумеется, такой "невнимательности" есть клиническое объяснение:

Эта невнимательность — особая черта она отличается, например, от рассеянного внимания усталого человека. У невнимательности есть некая активная и принципиальная черта. Навязчиво-одержимая личность невнимательна лишь к новым фактам и другим точкам зрения, и по отношению к ним проявляет ригидность (а в особых — догматизм). Из-за невнимательности таких людей нам кажется, что они совсем не поддаются влиянию.³²

С другой стороны, Чацкий постоянно возвращается к одной и той же теме. Ему мало того, что София его не любит. Он хочет узнать, кто возлюбленный. В глубине этого "любопытства" — стремление сравнить его с собой и обесценить, как поступает любая нарциссическая личность. Однако по форме оно является совершенно неприкрытым даже светскими приличиями и чрезвычайно навязчивым. И, разумеется, эта навязчивость является симптоматичной:

По существу мы знаем, что при двух известных типах возбуждения: навязчиво-одержимом и гипоманиакальном, любой перерыв в деятельности не только вызывает ощущение дискомфорта, но и встречает сознательное возражение,

³¹ Там же, сс. 104-105.

³² David Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 23-53.

независимо от конкретного вида деятельности. Возбужденная, навязчивая личность становится тревожной и озабоченной, что попусту тратит время, если "ничего не делает". Человек, страдающий гипоманией, становится возбужденным, иногда раздраженным и даже **испытывает гнев, когда его прерывают; его экспансивное настроение** пропадает или портится и **становится агрессивным. Эта картина возбужденной деятельности** свидетельствует о том, что она является защитной, и человек постоянно себя побуждает к ней, чтобы предотвратить появление ощущения дискомфорта.³³

Таково клиническое объяснение его возбуждения и в прямом смысле нездорового и навязчивого интереса к личной жизни Софии и, в частности, ответ на ее вопрос, обращенный к Чацкому:

**Зачем же быть, скажу вам напрямик,
Так невоздержну на язык?
В презреньи к людям так нескрыту?
Что и смирейшему пощады нет!.. Чего?**
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! И век шутить!...³⁴

А вот свидетельство его "невнимательности", а точнее — избирательного внимания:

Чацкий (о Молчалине):
Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!
(В сторону)
Она его не уважает.³⁵

София:
Конечно нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
**Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?**³⁶

Чацкий (в сторону):
Шалит, она его не любит.³⁷

София прямо говорит Чацкому о том, что он (с детства лишенный родительского внимания и заботы), "свет ругает наповал, чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал", то есть хоть как-то обратил на него внимание, как на плохое поведение капризного ребенка, но Александр Андреевич ее "не слышит". Его "блестящий" ум не покидает одна навязчивая мысль:

Ах! Софья! **Неужли Молчалин избран ей!**
А чем не муж? **Ума в нем только мало;**
Но чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало?..³⁸

³³ David Shapiro, *Dynamics of Character*, pp. 93-106, Basic Books, NY, 2000.

³⁴ Там же, с. 108.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, с. 109.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 111.

А вот как в разговоре с Молчалиным Чацкий объясняет, почему общество считает его лишним:

Молчалин: Вам не дали чины, по службе неуспех?

Чацкий:
 Чины людьми даются;
 А люди могут обмануться.
 Молчалин: Как удивлялись мы!

Чацкий: Какое ж диво тут?

Молчалин: Жалели вас.

Чацкий: Напрасный труд.

Молчалин:
 Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий:
 Зачем же надобно?

Молчалин:
 В чинах мы небольших.³⁹

Проблема зависимости одного человека от другого или от других людей является вечной, и каждый решает ее по-своему. Чацкому по наследству досталось имение в 300 или 400 душ, так что он может "не зависеть" от других, если не хочет претендовать на нечто большее. А Чацкий хочет: он хочет жениться на Софии и этого не скрывает. Но София — дочь своего отца, у которого есть вполне определенные принципы и даже требования к потенциальному зятю:

Фамусов: ...Обрыскал свет, не хочешь ли жениться?

Чацкий: А вам на что?

Фамусов:
 Меня не худо бы спроситься,
 Ведь я ей несколько сродни;
 По крайней мере искони
 Отцом недаром называли.

Чацкий: Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов:
 Сказал бы я: **во-первых, не блажи,**
Именем брат не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.⁴⁰

Чацкий:
 Служить бы рад, прислуживаться тошно.

³⁹ Там же, с. 115.

⁴⁰ Там же, с. 104.

Разумеется, Чацкого не устраивает ни "во-первых", ни "во-вторых", а особенно "в-третьих". А действительно, кому не тошно прислуживаться? А, как известно, кто не прислуживается, тот не пьет шампанского. А, скорее всего, пьет совсем другое. Но ведь главное не в этом, а в том что служить Чацкий не рад, и это мы прекрасно знаем. А потому любое "служить" он будет трактовать как "прислуживаться". Он ведь "славно пишет, переводит". Правда, как любая нарциссическая личность, только в свою пользу. Окружающие это понимают и время от времени ему об этом говорят, но избирательное внимание Чацкого позволяет ему "не слышать" их реакции. Но есть еще несколько тем, на которые он реагирует весьма остро. Одна из них — психоаналитическая тема "отцов и детей".

Фамусов:
Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя...

Чацкий:
И точно начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший....

Фамусов:
...Дома и все на новый лад.

Чацкий:
Дома новы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.⁴¹

Наверное, нам лучше всего спроецировать этот "обмен мнениями" между Фамусовым и Чацким на день сегодняшней. С одной стороны, если "посравнить век нынешний и век минувший", то, с одной стороны, от того, что "понаделали отцы" (с собой, со своими отцами и со своими детьми) становится страшно. С другой стороны, сейчас некоторые их дети строят себе "дома и все на новый лад", не обременяя себя никакими предрассудками вообще. Так что с одной стороны, *Алфель* от *Алфельбаума** по-прежнему недалеко падает, а с другой, — между ними "дистанция огромного размера"⁴². Это может, например, означать, как считают многие аналитические психологи, проблема "отцов и детей", то есть, проблема сохранения традиций и традиционных социальных ролей сегодня еще дальше от своего решения, чем раньше.⁴³ При этом постепенно появляется другая менее осознанная, а потому более серьезная, проблема "матерей и детей"^{**}, которая связана уже не с сохранением традиций при смене поколений, а с сохранением близости между людьми в течение нескольких лет. Нелишне отметить, что именно с

⁴¹ Там же, с. 92.

* В переводе с немецкого яблоко от яблони (см. мою предыдущую статью "[Богатыри с Невы](#)").

⁴² Там же, с. 91.

⁴³ См., например, Дж. Холлис, "Под тенью Сатурна", М., Когито-Центр, 2005.

** Справедливости ради следует отметить, что эту проблему поднимали и А.Н. Островский ("Без вины виноватые", "Бесприданница", и А.С. Пушкин "Евгений Онегин", и А.П. Чехов "Чайка", "Вишневый сад").

ней непосредственно связана проблема нарциссизма, которая, как нетрудно заметить, переходит из одной статьи в другую. А цикл статей, как известно, называется "лишние люди". Так что здесь есть над чем подумать, прежде чем пить "за матерей, которые бросают своих детей".⁴⁴ Развивать эту тему мы продолжим в какой-то другой статье, а здесь продолжим наблюдать за навязчивым преследованием Чацким Софии:

Чацкий:

Дождусь ее и вынужу признание:

Кто наконец ей мил? Молчалин? Скалозуб?

Молчалин прежде так был глуп!..

Жалчайшее создание!

Уж разве поумнел?.. А тот —

Хрипун, удавленник, фагот,

Созвездие маневров и мазурки!⁴⁵

Скалозубу досталось от "зубоскала", как теперь говорят, "по полной программе". Теперь настала очередь Молчалина. Неслучайно я называл Грибоедова одним из первых, если не первым, русским психоаналитиком. В приведенном ниже монологе сначала Чацкий недвусмысленно уверяет Софию в том, что в ее влюбленность основана только на ее проекции и идеализации.

Чацкий (Софии о Молчалине):

Бог знает, за него что выдумали вы,

Чем голова его ввек не была набита,

Быть может качество ваших тьму,

Любуясь им, вы придали ему;

А затем использует прием, который очень похож на психоаналитическую конфронтацию:

Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.

Но вас он стоит ли? Вот вам один вопрос;

И далее Александр Андреевич с нарциссической откровенностью объясняет свою навязчивость, переходящую всякие границы приличия:

Чтоб равнодушнее мне понести утрату,

Как человеку вы, который с вами взрос,

Как другу вашему, как брату

Мне дайте убедиться в том;

Здесь он готов принять не только роль друга Софии Павловны, но даже ее брата, чтобы добиться своего и влезть к ней в душу. Воистину, для достижения нарциссической цели все идентичности хороши. При этом Чацкий, видимо, неплохо осведомлен об особенностях своего психического здоровья, ибо весьма убедительно оправдывает свою навязчивость:

От сумасшествия могу я остеречься;

Почему мы должны понимать слова о сумасшествии Чацкого в каком-то переносном смысле, в особенности, если принять во внимание

⁴⁴ А.Н. Островский, "Без вины виноватые".

⁴⁵ А. С. Грибоедов. "Горе от ума", с. 104.

неблагоприятный анамнез его матери? Тем более, что дальше он говорит вполне разумные вещи о том, чем станет заниматься, если избежит приступа психоза, — тем же, чем занимался до сих пор:

Пущусь подале простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по свету, забыться и развлечься.⁴⁶

В конечном счете Чацкий становится свидетелем ситуации, которая не допускает никаких других толкований. София тайно встречается с Молчалиным, и Чацкий для нее является только помехой. Он уже не имеет **никаких оснований** трактовать иначе отношение к себе Софии. Разумеется, в своих глазах он **сразу** становится жертвой:

Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!⁴⁷

"Глядел, и видел, и не верил!". А может быть, глядел — и не видел. А точнее, глядел — и не "хотел" видеть. Про такую избирательность внимания ригидной личности мы уже говорили. Скажем еще:

Эта невнимательность — особая черта она отличается, например, от рассеянного внимания усталого человека. У невнимательности есть некая активная и принципиальная черта. Навязчиво-одержимая личность невнимательна лишь к новым фактам и другим точкам зрения, и по отношению к ним проявляет ригидность (а в особых — догматизм). Из-за невнимательности таких людей нам кажется, что они совсем не поддаются влиянию.⁴⁸

Более того, оказывается, Чацкий не только не верил и не видел, но и не "слышал" от Софии, что он ей просто мешает:

Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки, все противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..⁴⁹

То есть, опять то же самое ригидное избирательное невнимание. Теперь посмотрим за тем, в каком направлении и как быстро развивается патологическое возбуждение Чацкого:

Теперь не худо было б **сряду**
На дочь и на отца
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.⁵⁰

Мы уже цитировали этот фрагмент текста, чтобы показать, как при фиксации на травме нарциссической личности весь мир становится для

⁴⁶ Там же, с. 107.

⁴⁷ Там же, с. 160.

⁴⁸ David Shapiro, *Neurotic Styles*, p. 23-53.

⁴⁹ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 162.

⁵⁰ См. п. 19.

нее "плохим объектом". Здесь мы пойдем несколько дальше, чтобы показать, что превращение "любимого объекта" в "предательский объект" вызывает чувство мести, которое психоаналитически вполне предсказуемо, как и последующий психодинамический процесс, происходящий с "оскорбленной" личностью Чацкого:

Ненависть как обратная сторона страдания — это основной способ триумфальной мести объекту, а также триумфа над внушающим ужас "Я"-представлением. Такой триумф достигается путем проективной идентификации и символической мести за прошлые страдания, сосредоточенных в садистских паттернах поведения. Люди с такой мотивацией садистски относятся к окружающим, так как ощущают, что к ним таким же образом относятся объекты их садизма; бессознательно они становятся собственными преследователями, садистски нападая на свои жертвы.⁵¹

Хотя уже одна навязчивость Чацкого граничила с садизмом, после того, как у него "открылись глаза" на "предательство" "любимого человека", Александр Андреевич вообще ничего не стесняется и дает волю своему садизму:

Пред кем я давеча так страстно и так низко
 Был расточитель нежных слов!⁵²

Вполне возможно, что его "недоуменное" сожаление выражает и более веский нарциссический аргумент: прошу вернуть мне все до единого сказанные вам нежные слова, потому что, как оказалось, они к вам не относятся. Иначе говоря, человек потратил столько энергии, и все зря. Это не просто обидно, такое не прощается. Поэтому вместе с со свободой ("я сватаньем своим не угрожаю вам".⁵³) извольте получить "всю желчь и всю досаду" и оптом, и в розницу. Сначала по отдельности несостоявшимся родственникам, их "милому другу" и, как всегда, заодно Москве:

Другой найдется благонравный
 Низкопоклонник и делец,
 Достоинствами, наконец,
 Он будущему тестю равный.⁵⁴

Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей.
 Высокий идеал московских всех мужей.⁵⁵

Теперь всем остальным, вместе взятым:

С кем был! Куда меня закинула судьба!
 Все гонят, все клянут! Мучителей толпа,
 В любви предателей, в вражде неутомимых,
 Рассказчиков неукротимых,
 Нескладных умников, лукавых простяков,...⁵⁶

⁵¹ О. Кернберг, "Агрессия при расстройствах личности", там же.

⁵² А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 162.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 163.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

И т.д., и т.п. В ответ на эту тираду Александра Андреевича хотелось бы сказать две вещи. Первая: "С кем был бы, если бы?..." И вторая: разве все, начиная с того места, где он клянет "в любви предателей" и далее, нельзя отнести и к нему лично? То есть, не является ли "вся желчь и вся досада" просто проекцией на плохой объект, которым теперь уже является "весь мир"? Вот что пишет Отто Кернберг:

Желание унижить — это еще одно проявление ненависти, интегрированное в черты характера... Человек, страдающий навязчивой одержимостью, стремится контролировать других и доминировать над ними, чтобы чувствовать себя защищенным от опасных для него вспышек агрессивного неподчинения или неуправляемой импульсивности других людей. Таким образом он отыгрывает свою идентификацию с ненавистным объектом и проекцию неприемлемых, вытесненных и проецируемых объектов своего "Я"... Его фиксация на особенно ненавистных объектах может сопровождаться целым спектром проявления психопатологии и принимать почти карикатурную форму привязанности к врагу или преследователю.⁵⁷

Но, по-видимому, идентификация с предавшим ненавистным объектом, то есть с Москвой, отыграна, и Чацкий, наконец, расстается с ней:

Вон из Москвы! Сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!...⁵⁸

И надо сказать, что у москвичей возникает некое подобие чувства облегчения:

Фамусов:
Ну что? Не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! Что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! **Тесть! И про Москву так грозно!**

Фамусов безусловно понял, что его Софии-мудрости далеко до народной:

**А ты меня решила уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?**⁵⁹

А потому принимает вполне оправданное решение:

Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми.
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать...⁶⁰

То есть, как это у нас часто бывает, особенно в политике: подальше от людей, поближе к народу. Чтобы "горе горевать". Или наоборот: подальше от народа, поближе к людям. Чтобы "горевать" нечто совсем другое. Богатые, как теперь известно, тоже плачут...

⁵⁷ О. Кернберг, "Агрессия при расстройствах личности", с. 46.

⁵⁸ Там же, с. 163.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 161.

3. Еще раз о "геометрии любви" и "первом лишнем"

Что за люди, топ cher! Сок умной молодежи!
— А.С. Грибоедов. "Горе от ума"

Есть некий смысл в том, чтобы провести некоторые параллели между двумя так называемыми "любвыми треугольниками": Мери-Печорин-Грушницкий в "Герое нашего времени" и София-Чацкий-Молчалин в "Горе от ума". Оба они являются мнимыми, хотя по разным причинам. Оба они не просто распадаются, а взрываются изнутри, с разными последствиями для тех, кто в них входил. И все же есть весьма интересные параллели, которые помогут нам сделать интересные психологические выводы и попытаться выявить определенные закономерности впоследствии, если нам снова встретится "новый" "любви" треугольник.

Прежде всего заметим, что если перейти на скрытые значения имен, то в первом случае мы получим треугольник: "грешник-забава-упавшая груша", а во втором: "болтун-мудрость-молчун". Если прочитать эти интерпретации последовательно, то мы получим не больше, не меньше, — сюжетные линии этих двух произведений. Иначе говоря: в результате забавы (или интриги) Печорина убитый им Грушницкий падает со скалы. И в результате "болтовни" Чацкого София пускает слух о его сумасшествии, и тот в конце концов "замолкает". Несмотря на формальность этих интерпретаций, за ними скрывается немаловажный психологический смысл. Обе нарциссические личности, Печорин и Чацкий, просто "взрываются" в уже развивающиеся романтические отношения других людей, и эти отношения гибнут, а вовлеченные в них люди погибают, серьезно заболевают или, в крайнем случае, расстаются в полной уверенности, что никогда больше не встретятся. При этом ни Печорин, ни Чацкий не являются **соперниками в любви**: первый вполне осознанно, а второй из-за своей навязчивости просто не хочет замечать, что его отвергают. Но и тот, и другой фактически сохраняют статус-кво: они ничего не теряют. И это очень "симптоматично": любые отношения с нарциссической личностью угрожают потерей тому, кто в них вступает. Потерять можно все: деньги, имущество, честное имя, любовь, здоровье, наконец, жизнь. Так что прав Молчалин, когда говорит:

Ах, злые языки страшнее пистолета.⁶¹

Правда, к сожалению, мы никогда не услышим мнения Грушницкого, который **был** более компетентен в этом вопросе. Что же касается "проигравших", Грушницкого и Молчалина, то они навсегда выбывают из игры, но если первый до последних минут своей жизни сохранял надежду "дотянуться" до света, то второй был совершенно реалистичен в своих взглядах на будущее:

Молчалин:
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,

⁶¹ Там же, с. 102.

Меня разлюбит, как его.⁶²

Но положение обязывает ("ведь надобно ж зависеть от других"),

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека...⁶³

Однако притворство Молчалина кончается для него плачевно:

София:
Я с этих пор вас будто не знавала.
.....
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.⁶⁴

Приблизительно так же и по той же причине расстается с Печориным княжна Мери, разве что ее обманутой и обманувшейся женщины усугубляется нервной болезнью. Если внимательно посмотреть на дальнейшую судьбу женщин, обманувшихся в "любви" нарциссических мужчин, можно прийти к неутешительному выводу: София сослана "горе горевать к тетке в глушь, в Саратов", Мери получает тяжелое нервное потрясение, от которого нескоро сможет оправиться, Нине Арбениной дает отравленное мороженое ее муж, Ларису Огудалову ("Бесприданница") убивает из пистолета жалкий ревнивец, Анна Каренина бросается под поезд... Несомненно, эта последовательность женщин — жертв мужского нарциссизма можно продолжить. То есть, и это, наверное, самый страшный вывод, к которому мы приходим даже помимо своей воли: все эти женщины хотели получить любовь от мужчин, у которых ее не было. Почти все эти мужчины, за исключением, быть может, Молчалина, — нарциссические личности и "лишние" для общества люди. (Хотя и Молчалин сразу оказался "лишним" человеком, отважившись полчаса побыть самим собой.) То есть "лишние" люди такого типа делают "лишними" женщин, которые в них влюбляются, причем, не только для общества, но и в жизни. Такое развитие отношений является очень важным, причем не только в литературе, но и в жизни. Я вовсе не хочу сказать, что женщины бывают только такие. Конечно, нет. Есть и другие женщины "в русских селеньях", как например: Анна Сергеевна Одинцова, Татьяна Ларина, Нина Заречная ("Чайка"), Шурочка Николаева ("Поединок"), Катерина Измайлова ("Леди Макбет Мценского уезда") и другие. Я надеюсь, что нам удастся провести аналитическое исследование этих и других произведений русской классической литературы столь же подробно, как мы делали это до сих пор. А если это получится, тогда у нас появятся основания делать какие-то психологические обобщения. А пока придется удовлетвориться тем, к чему уже удалось прийти. И не обольщаться тем, что открытий станет больше: наоборот, их будет все меньше, ибо знания будут становиться все глубже. А если так, "обычай мой такой: подписано, так с плеч долой!"⁶⁵

⁶² Там же, с. 157.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, с. 159.

⁶⁵ Там же, с. 69.

4. И вот та родина... И вот общественное мнение *

*Вот и вышло оно: зря "рубил окно"...
Знать, с тупого конца, жгли глаголом сердца,
Переполнив отечество "дымом"...*

— А. Мирзоян

Полное основание называть Петербург "культурной столицей", на мой взгляд, могут разве что полные невежды или поклонники таких воистину народных современных произведений как "Улицы разбитых фонарей" или "Бандитский Петербург". Может быть, еще слишком "культурные" террористы, так как в нем пока не было совершено ни одного теракта, возможно, вследствие благоговения террористов перед культурой. С современными невеждами как и с террористами, любые дискуссии вести просто бессмысленно. Но комедия "Горя от ума" с отношением автора к Москве и москвичам не может последних оставить равнодушными при всем их консерватизме, так как "дома новы, но предрассудки стары". Так, например, мнение Скалозуба:

Пожар способствовал ей (Москве) много к украшению.⁶⁶

представляется не более убедительным, чем, например, строки Пушкина

Поутру над ее (Невы) берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод...⁶⁷

убеждают нас в том, что периодически петербуржцы любовались страшными наводнениями. Но и при всем при том при раскопках после пожара Манежа, случившегося в 2004 году, нашли драгоценные свидетельства древней русской культуры. Есть серьезные сомнения в том, что если копнуть болотистую почву "культурной" столицы, то не найдешь ничего, кроме вонючей жижи и "косточек русских". А "сколько их, Ванечка, знаешь ли ты?"* Я уже не говорю о таких древних русских городах, как, например, Великий Новгород или Великий Ростов, которые действительно по праву могли бы называться культурными столицами России. Невозможно отделить историю России, то есть ее традиции, от ее культуры. Зато чем ближе к "культурной" Европе, тем больше "воли и смелости... чтобы **стать** (культурными) героями **нашего** времени". А еще больше желание ими **называться**. Об этом мы уже вели речь в предыдущей статье**. Поэтому мы продолжим обсуждать эту тему в данной статье, но уже в контексте традиций, воспитания и образования, которые во многом являются причиной поставленного Грибоедовым диагноза:

Но если так, ум с сердцем не в ладу⁶⁸.

* А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 154.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ А.С. Пушкин, "Медный всадник", с. 200, Избранное, М, Худ. Лит., 1953.

* Н.А. Некрасов. "Железная дорога".

** "[Богатыри с Невы](#)". Цикл статей "Лишние люди".

⁶⁸ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 92.

В действительности тема очень серьезная и чрезвычайно актуальная: какой консерватизм лучше, если речь идет о воспитании и образовании: традиционный российский или "новый" европейский, а точнее "западный"? Многие из нас, москвичей, уже сытые по горло воплощением одной "новой" западной идеи — марксизма, очень осторожно смотрим на воплощение в психологии другой западной идеи — фрейдизма, как, впрочем, и на другие западные "идеи". Дело не в том, что эти идеи хорошие или плохие, а в том, что они сами по себе являются идеями, то есть порождением западного **сознания** или, как у нас сейчас говорят, менталитета. А любой сознательный конструкт, как известно, является временным, а длительность его жизни определяется скоростью и тенденциями в развитии коллективного сознания. Но психологам известно, и это никак не хотят принимать во внимание идеологи: человеческая психика состоит не только и не столько из сознания, сколько из бессознательного. Поэтому те люди, для которых те или иные идеи хотя бы временно превращаются в догму (а хуже того — в руководство к действию), с психологической точки зрения мало чем отличаются от прапорщика из анекдотов. И в том, и в другом случае мы имеем дело с **ригидной личностью**, разница заключается лишь в выборе догмы в соответствии с уровнем интеллекта.

Можно спросить: а существует альтернатива миру идей и если да, то какая. В свое время еще Юнг заметил, что одна идея стоит другой, и сознание человека увлекается той идеей, до которой оно в данный момент доросло. Разумеется, если эта идея к тому же построена на близкой человеку системе ценностей. Поэтому российский консерватизм отличается от "среднеевропейского" консерватизма, а тот, в свою очередь, отличается от островного английского консерватизма. Кстати говоря, это чуть ли не единственная тема, на которую совпадают взгляды Чацкого и Фамусова:

Чацкий:
Где? Укажите нам отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?⁶⁹

И далее:

Чацкий:
Ах! Если рождены мы все перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев;
Воскреснем ли тогда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
"Как европейское поставить в параллель
С национальным..."⁷⁰

А вот более категоричное, но по сути очень похожее мнение Фамусова:

Фамусов:
А все Кузнецкий мост и вечные французы,
Оттуда моды к нам и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!⁷¹

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, с. 140.

А вот мнение на эту тему современного американского аналитического психолога [Джеймса Холлиса](#):

Если спросить современного мужчину, ощущает ли он себя мужчиной, скорее всего этот вопрос ему покажется либо глупым, либо подозрительным. Он будет знать свои социальные роли, но при этом не сможет дать определение: что же значит быть мужчиной, и, вероятно, не сможет ощутить, что и другие его воспринимают соответственно какому-то его частичному представлению о себе. Короче говоря, мудрые старейшины ушли в мир иной, или оказались в депрессии, стали алкоголиками или оказались на заседаниях президиумов крупных корпораций или под золотыми куполами парашютов. Мост, переброшенный от детства к мужской взрослости, смыло волной.⁷²

Так что не стоит даже пытаться заменять один консерватизм другим, как это недавно пытались сделать в России психологически невежественные реформаторы. К сожалению, они действительно были невежественными, ибо только Грибоедов написал столько на эту тему (не говоря уже о современных западных аналитических психологов), что, прочитав и внимательно проанализировав его критические взгляды на консерватизм (или, если угодно, приверженность традициям) москвичей XIX века от лица "культурных" петербуржцев, можно было бы понять не только то, что "мы все учились понемногу...", но и продолжаем учиться до сих пор (см. опять же эпитафия).

К сожалению, в наше время многие "деятели" культуры и на западе, и у нас в стране, имеющие крайне поверхностное, а чаще совершенно искаженное представление о психологии, вместе со своей "культурной продукцией" транслируют его в массы, которые, в свою очередь, переваривают то, что легче переварить. Поэтому сегодня мы вправе поставить вопрос: что больше несет современная культура: вреда или пользы? Поясню на примере, о чем идет речь. Так, поборник свободы и просвещения Чацкий, который "вольность хочет проповедать"⁷³ декларирует:

Кто служит делу, а не лицам...⁷⁴

Имея в виду, что надо служить делу, а не отдельным людям. Например, не **лично** Ленину, а **делу** Ленина, не **лично** Гитлеру, а **делу** Гитлера, не **лично** Леониду Ильичу Брежневу, а **делу** того же Ленина. Но, во-первых, может быть, меньше вреда обществу приносит именно тот, кто просто служит отдельному лицу, например, личный охранник, чем тот, кто фанатично служит "делу", то есть **идее**. Так что мы опять неминуемо сталкиваемся с пресловутым миром временных идей. Во-вторых, Чацкий,

⁷¹ Там же, с. 64.

* "Золотой парашют" — это корпоративный сленг. Он означает следующее. В крупных американских корпорациях существует следующая тенденция: люди, уволенные, вышедшие на пенсию с высокими должностей или перешедшие в другие корпорации, заключают со своей прежней корпорацией выгодные для себя и рентабельные контракты, вплоть до выкупа контрольных пакетов акций. Таким образом, их не "выкидывают" на улицу, а они плавно спускаются на землю на таком "золотом парашюте". — *Прим. перерев.*

⁷² Дж. Холлис, "Под тенью Сатурна", М., Когито-Центр, 2005.

⁷³ А. С. Грибоедов. "Горе от ума". с. 84.

⁷⁴ Там же.

наверное, подразумевает, что те, кто служит "делу", служит многим, а те, кто служит "лицам", служит единицам. Возможно, в те времена еще можно было впасть в такое заблуждение. Но кто сегодня в мире представляет **только себя и только свои фантазии?** — Только пациенты психиатрической клиники. Даже антиглобалисты и то служат "делу", которое, возможно, финансируют отдельные лица или корпоративные группы лиц. Так что у Александра Андреевича гораздо больше заблуждений, чем так называемых "передовых" взглядов по сравнению с тем же Фамусовым.

Еще один пример:

Чацкий:

А судьи кто? — За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима...⁷⁵

Действительно, а кто у нас судьи, которые судят юных "нацболов", преданных **делу** Ленина? Сколько прошло времени с тех пор, как они перестали клясться верности этому же "**делу, а не лицам**", и, выбросив свои партбилеты, фактически стали ренегатами, которые выкашивают то, что посеяли они сами? Если эти судьи раньше служили одному **делу**, теперь служат другому **делу**, то какому **делу** они будут служить завтра? Да, скажет читатель, делу уголовного кодекса, который **вместе с делом** сильно изменился. Согласен. Тогда будем считать, что на вопрос Грибоедова "А судьи кто?" мы ответили. Судьи — это слуги закона. И чем сильнее традиции общества, тем стабильнее в нем законы. Зато всегда остается человеческий фактор:

О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?⁷⁶

Наконец, хотелось бы немного прокомментировать ту иронию Грибоедова по отношению к Москве, которая, по его мнению, является оплотом консерватизма по сравнению с более прогрессивным в его глазах Петербургом. Сначала посмотрим на дискуссию об образовании, о пользе книг и о воспитании в контексте отношения к Москве и Петербургу:

Чацкий:

Что нового покажет нам Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался — успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.⁷⁷

И в Петербурге и в Москве...
В чьей по несчастью голове
Пять-шесть найдется мыслей здравых,
И он осмелится их объявлять,
Глядь...⁷⁸

Чацкий:

Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?⁷⁹

⁷⁵ Там же, с. 93.

⁷⁶ Там же, с. 154.

⁷⁷ Там же, с. 74.

⁷⁸ Там же, с. 141.

Фамусов:

На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей, сынков, и внучат.
Журим мы их, а если разберешь,
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? — Как их возьмет задор,
Засудят о делах, что слово — приговор...⁸⁰

Чацкий:

Дома новы, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.⁸¹

Чацкий:

Ах! К воспитанью перейдем,
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?⁸²

Фамусов:

Берем же побродяг, и в дом и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! И пенью! И нежностям! И вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.⁸³

(о воспитании Софии):

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, **я дело говорю**.
Уж об твоём мы не радели
Об воспитаньи! С колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил...⁸⁴

.....

Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах **пример отца**.⁸⁵

Фамусов:

И в чтеньи прок-то не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.⁸⁶

Чацкий:

А тот, чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,

⁷⁹ Там же, с. 93.

⁸⁰ Там же, с. 91.

⁸¹ Там же, с. 92.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, с. 65.

⁸⁴ Там же, сс. 64-65.

⁸⁵ Там же, с. 65.

⁸⁶ См. п. 29.

Чтоб грамоте никто не знал и не учился?⁸⁷

Фамусов:

Ученье — вот чума, ученость — вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей и дел и мнений.⁸⁸

Хлестова:

И впрямь сойдешь с ума от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их;
Да от ланкарточных взаимных обучений.⁸⁹
Скалозуб:
Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проект насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз-два;
А книги сохраняют так: для больших оказий.⁹⁰

Фамусов:

Сергей Сергеич! Уж коли зло пресечь:
Забрать бы книги все да сжечь.⁹¹

Загорецкий:

Нет-с. Книги книгам рознь...⁹²

Княгиня Горич:

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и безверьи.
Профессоры!! У них учился наш родня,
И вышел! Хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегают, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник!⁹³

Фамусов:

Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва.⁹⁴

Чацкий:

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! **Недоволен я Москвой.**

Да, книги книгам рознь. И читатели читателям рознь. И писатели писателям рознь. И о вкусах не спорят. Вопрос остается, пожалуй, только один, так как проблема сохранения национальных традиций и здорового консерватизма, как оказалось, в наше время уже не имеет простого решения. Так что Александр Андреевич мог бы сегодня на этот счет успокоиться. Как и насчет того, что ему "прислуживаться тошно". Отсудили бы у него имение в 300 душ еще более "новые русские", чем он, тогда, наверное, и "служить" стал бы рад. Остается вопрос о равенстве

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, с. 136.

⁸⁹ Там же, с. 136.

⁹⁰ Там же, с. 137.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же, с. 137.

⁹⁴ Там же, с. 92.

возможностей разных книг разных писателей доходить до разных читателей. И если быть честным, можно увидеть, что ученье — не "чума", а "ученость" — не причина, "что нынче пуще, чем когда, безумных развелось людей и дел и мнений". "Чума" — это когда люди берутся не за свое дело, а берутся они не потому его любят или хотят ему научиться, а потому что они — **"свои"**, о чем открыто говорил Фамусов. А чтобы этих "своих" в знаниях и умениях не обошли **"не свои"**, нужно учить только "своих", а если они к этому неспособны — то вообще никого учить не надо. Вот это уже "чума". Это к вопросу о равенстве возможностей. Поэтому на сегодня мы имеем то, что имеем. И в Москве, и в "культурной столице" Петербурге. Обижаться на Грибоедова за то, что Москва пыталась и пытается сохранить свои традиции и свою историю — все равно, что обижаться на Москву за то, что они у нее есть. А слезам Москва не верит. Она их лечит, как умеет.

1. Конфликт "лишнего" человека с обществом

Чацкий: Кто служит делу, а не лицам...⁹⁵

Фамусов: Вот молодость!.. — читать!... — а после хватать!⁹⁶

Чацкий:

Мундир! Один мундир! Он в прежнем их быту

Когда-то укрывал, расшитый и красивый,

Их слабодушие, рассудка нищету;

И нам за ними в путь счастливый!

И в женах, дочерях к мундиру та же страсть!

Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!

Теперь уж в это мне ребячество не впасть;

Но кто б тогда за всеми не повлекся?...⁹⁷

**Окончание. Москва слезам не верит. Любим, тем более,
фальшивым. Она их лечит.**

Отто Кернберг. "[Агрессия при расстройствах личности](#)"

Фиксация на травме

Крайне противоречивое, непредсказуемое поведение матери, по всей видимости, подкрепляет психопатическую часть ненависти и позволяет интерпретировать ее поведение как предательство со стороны потенциально "хорошего объекта", который таким образом становится непредсказуемо и "абсолютно плохим". Идентификация с предающим объектом приводит на путь мстительного разрушения всех объектных отношений. Видимо, именно здесь находится глубинный источник паранойяльного стремления к предательству.⁹⁸

David Shapiro. Dynamics of Character

Навязчивая одержимость

Но некоторые стороны жизни невозможно уловить только благодаря четко сфокусированному и сконцентрированному вниманию. Прежде всего, такое внимание не позволяет получать случайные или внезапные впечатления, тогда как более пассивный, импрессионистический тип когнитивного восприятия позволяет вниманию отвлекаться даже на случайные и периферийные объекты. Возможно даже, что у человека вообще не будет явного намерения сфокусировать на чем-то свое внимание. Но одержимо-навязчивая личность не позволяет своему вниманию бесцельно блуждать и отвлекаться. Поэтому кажется, что таких

⁹⁵ Там же, с. 84.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, с. 94.

⁹⁸ О. Кернберг, "Агрессия при расстройствах личности", с. 44.

людей почти ничего не увлекает, и их редко можно чем-то поразить. Нельзя сказать, что они не смотрят или не слушают: они слишком сосредоточенно смотрят или слушают что-то другое.

David Shapiro. Dynamics of Character

Гипомания

Навязчиво-одержимая деятельность очень целенаправленна, даже дисциплинирована, имеет осознанную цель, которую необходимо достичь, в особенности, если способы достижения поддаются количественной оценке. С другой стороны, гипоманиакальная деятельность, как правило, является амбициозной, но далеко не дисциплинированной. Она в основном включает в себя возбуждаемую спонтанность и преувеличенную быстроту реакции. В одном случае защиты используется ригидный психодинамический тип; в другом — пассивно-реактивный тип. Можно сказать, что возбуждение навязчивой одержимости предотвращает появление дискомфорта, вызываемого спонтанностью постоянной целенаправленной деятельности, тогда как гипоманиакальное возбуждение предотвращает появление дискомфорта, вызываемого рефлекторной реактивностью с постоянной "спонтанностью".⁹⁹

Нетрудно найти и современные примеры, позволяющие сопоставить возбуждение и устранение запретов при встречах людей, на праздниках или непосредственно в группах, деятельность и цель которых как раз и состоит в освобождении от запретов...— такое поведение предполагает гипоманиакальное возбуждение.¹⁰⁰

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

Литература:

- А. С. Грибоедов. "Горе от ума". Собрание сочинений в 2-х т., т. 2, М. "Правда", 1971
- М. Ю. Лермонтов, "Маскарад", Избр. собр. соч. в 2-х т., т. 2, М. "Худ. Лит.", 1963
- М. Ю. Лермонтов, "Герой нашего времени. Княжна Мери", Избр. собр. соч. в 2-х т., т. 2, М. "Худ. Лит.", 1963;
- А.С. Пушкин, "Медный всадник", с. 200, Избранное, М, "Худ. Лит.", 1953
- Дж. Холлис, "Под тенью Сатурна", М. "Когито-Центр", 2005
- О. Кернберг. "[Агрессия при расстройствах личности](#)", "Класс", 1998;
- David Shapiro, *Neurotic Styles*, NY, Basic Books, 1999;
- David Shapiro, *Dynamics of Character*, NY, Basic Books, 2000.

Об авторе:

Валерий Мершавка - автор переводов книг:

- [Введение в юнгианскую терапию](#)
- [Комплекс Кассандры. Современный взгляд на истерию](#)
- [Кризис среднего возраста. Записки о выживании](#)
- [Психодрама: вдохновение и техника](#)
- [Сотворить свою жизнь. Поиски своего пути](#)
- [Страсть к совершенству. Юнгианское понимание зависимости](#)